

На постановочных репетициях оперы "Любовь к трём апельсинам" с режиссером Питером УСТИНОВЫМ

мне сказал: "Тебе нужно уделять больше внимания вокальной музыке, ты это чувствуешь".

Да, это я люблю. Я люблю человеческий голос, люблю оперу — страстно. Наверное, в том, что у меня такая странная дорога в музыке, виновата судьба. Конечно, я никогда не предполагал, что стану суфлером в театре. Но если быть, то хорошим!

Вот прошлым летом сделал решительный рывок в итальянском. К нам приехал профессор Херу, милый человек с очень диким характером и стал ставить "Свадьбу Фигаро" со всеми речитативами. Слов там — вагон. Три часа я не закрываю рот. Сколько же я это учил! Слава богу, музыка языка дается мне легко, может, потому, что всю жизнь совершенствую французский? Потом еще на курсах учился.

— **Вы что-нибудь почерпнули у своих коллег?**

— Мне нравилось общаться с суфлером Рижской оперы, которая была в Большом на гастролях. (В "Отелло" я играл у них на органе в сцене бури). Это был очень интеллигентный человек. Хотя языками он не владел в совершенстве, но легко читал и с хорошим произношением говорил. Вообще каждый суфлер вырабатывает свою линию. Кто-то перед спектаклем обходит всех солистов и всех выслушивает: "Это место мне обязательно, и очень громко", "Учти, никого нет на сцене, одна я". Кто-то на ансамблях сосредоточен.

— **А бывали такие спектакли, на которых вы молчали?**

— 21 год назад я пришел в Большой театр. И меня сразу же ввели в "Севильского цирюльника". Борис Эммануилович Хайкин (представляете, Хайкина застать!) спросил меня, знаком ли я с партитурой. Я с юношеской уверенно-

стью сказал, что знаком. Тогда он мне пожелал внимательно слушать музыку и постараться перевернуть все страницы. Что я с успехом и сделал...

Потом уже я вел "Севильского" лет десять. Я был в восторге от этого искрометного спектакля, калейдоскопа картин, которые так быстро менялись. Тогда же, знаете, каждый певец имел свои нюансы в тексте. В партитуре стояли буковки в кружочках: Н — Нестеренко, Э — Эйзен и т. д. Теперь легче: традиция исполнения оперы на языке закрепились, и все поют одни и те же слова.

— **Есть ли у вас свои профессиональные приметы?**

— В театре есть примета: как началась опера, так она и закончится. Если в начальной каватине Феррандо, например, сбился в словах, весь "Трубадур" вперекосяк пойдет. Еще: плохой прогон — удачная премьера, и наоборот.

— **Может, вы и вещи сны видите?**

— Больше театральные. Во сне я часто пою оперу настоящим красивым баритоном, а иногда дирижирую. Вот недавно с Ларисой Рудаковой пел в "Травиате". Пою и думаю: откуда же взялся тенор, у меня ведь баритон! И сейчас я должен петь си-бемоль, которого у меня нет!!! А серьезно, так самый гениальный сон я видел накануне того дня, когда окрестился.

— **Шекспир же сказал: "Смежая веки, вижу я острей..." (43-й сонет).**

Ирина КОСМИНСКАЯ